

Н. И. Петров

**Очерки из истории
украинской литературы
XVIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Петров**
Очерки из истории украинской литературы XVIII века / Н. И. Петров – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 153 с.

ISBN 978-5-517-97929-2

ISBN 978-5-517-97929-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

онъ выбиралъ ихъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ книгъ; но, какъ увидимъ ниже, онъ пользовался и народными пословицами.

Изъ духовныхъ книгъ въ разсматриваемый сборникъ пословицъ и изрѣченій взяты, напримѣръ, слѣдующія пословицы: „Богъ не смотритъ на лице“; „Добро твори всякому и неблагопріятному“, „Изъ плода древо познается“, и проч. Подъ свѣтскими книгами, изъ которыхъ извлекались пословицы и изрѣченія, преимущественно разумѣлись апофтегматы, Епиктетовы изрѣченія и разныя краткія замысловатыя повѣсти западнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, пословицы: „Голому разбой не страшень“ и „Трудно тамъ брати, гдѣ нечего взяти“—объясняются слѣдующей апофтегмой: „Къ забавному бѣдняку пришли ночью порою воры. Тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу“¹⁾. „Значно волка въ овечьей кожѣ“,—эта пословица извлечена изъ соотвѣтствующей басни Езопа. На тему пословицы—„извѣснше око, нежели ухо“,—мы нашли два разсказа западнаго происхожденія,—одинъ о Сократѣ, который сказалъ однажды: „больше вѣрь очамъ своимъ, нежели скаскѣ людской“, другой о Фалесѣ, выразившемся подобнымъ образомъ: „гораздо то вѣрнѣе,—сказалъ Фалесъ,—что видимъ, нежели то, что слышимъ“²⁾. „Кто богатъ, тотъ всѣмъ братъ, кто ничего не мае, того никто не знаетъ“,—на тему этой пословицы есть вѣсколько западныхъ разсказовъ. „Бережливый вопрошень“,—говорится въ одномъ изъ нихъ,—для чего онъ, будучи въ глубокой старости, живетъ скупю? для того, отвѣчалъ онъ,—чтобы по смерти лучше оставить что-нибудь непріателямъ, нежели заживо лишиться пріятелей. Разумѣлъ онъ:

---

¹⁾ Рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 131, л. 185.

²⁾ Тамъ-же, № 131, л. 191 и 187 об.

гдѣ деньги, тамъ и друзья“. Справедливость этого изрѣченія, по западнымъ рассказамъ, доказалъ другой человекъ. „Нѣкто имѣлъ великой недостатокъ и, не хотя по смерти своей учинить никого наслѣдникомъ, все свое богатство расточилъ, думая, что онъ болѣе не проживетъ 80 ти лѣтъ; но послѣ, живя еще шесть лѣтъ, ходилъ по—міру, прося такъ: подайте что нибудь мнѣ бѣдному, который столь долго жить не думалъ“ ¹⁾). Несомнѣнно западнаго происхожденія и слѣдующая пословица рукописи: „орѣхъ, осель и жена равной сути природы; сія вси три требуютъ биття не по годы“ ²⁾).

Кромѣ книжныхъ пословицъ, въ сборникѣ есть пословицы и народнаго происхожденія, хотя и довольно искаженные. Очевидно, авторъ хотѣлъ придать имъ литературную форму и украсить ихъ школьными приемами; тѣмъ не менѣе онъ не могъ совершенно стереть ихъ народнаго хара тера. Между этими пословицами можно различать—польскія, собственно малорусскія и великорусскія или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя одинаково сохранились и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Къ польскимъ можно отнести слѣдующія пословицы сборника: „По шкодѣ ляхъ мудрій“, „Шляхтиць по бабцѣ“, и др. Къ чисто малорусскимъ пословицамъ относятся въ нашемъ сборникѣ слѣдующія: „баба з воза, колеса самъ легше“; „Безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому“. „Здався циганъ на свои дѣти“, или—„Циганъ своими дѣтми свѣдчится“; „Осмакъ копи стереже“; „Первія коти за плетень“; „Первѣйшій атаманъ, нежедесятникъ“; „Шануй гори и мости, чтобъ были цѣліе кости“; „Якій панъ, такій его крамъ“, и проч. На сѣверѣ Россіи встрѣчаются слѣдующія пословицы нашего сборника: „Въ гостяхъ добре, а дома

---

¹⁾ Тамъ-же, л. 188 и 189.

²⁾ См. рукопись того-же музея, № 162, но печатному описанію № 549.

лутче“, „Гдѣ тонко, тамъ рветца“; „Зхотѣлося ему ухи дворанской“; „Из чужого коня и посредѣ грязѣ вставай“; „Дѣлывому всегда праздникъ“; „На злодѣви (ворѣ) шапка горитъ“; „Охота пуцѣ неволѣ“; „Пропало, что з веза впало“; „Собака на сѣнѣ лежитъ, самъ не истъ и другимъ не да-етъ“; „Скупій два раза платитъ“; „Тихая вода береги ломитъ“; „У кія два конци“; „Чужое личко ремѣнцемъ платятъ“, и проч. ¹⁾.

То-же разнообразіе литературныхъ элементовъ, какое мы видѣли въ сборникѣ пословицъ и изрѣченій И. Ушпвскаго, встрѣчается и во многихъ другихъ письменныхъ южнорусскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, представляющихъ удивительную амальгаму письменныхъ источниковъ всякаго рода съ произведеніями устной народной словесности. Здѣсь замѣтны прежніе элементы, унаслѣдованные отъ XVII и предыдущихъ вѣковъ, и элементы новые, вызванные текущими обстоятельствами южно-русской жизни. Съ одной стороны, въ этой литературѣ замѣтны старыя византійскія преданія и слѣды латинно-польскаго и западнаго вліянія, съ другой—стремленіе къ возобновленію живыхъ связей съ обще-русскою литературою и къ очищенію тогдашняго южно-русскаго литературнаго языка по образцу сѣвернаго. Но надъ всѣми этими элементами все болѣе и болѣе получаетъ преобладаніе элементъ національный, русскій, который имѣетъ два главные оттѣнка: племенное самосознаніе южноруссовъ и стремленіе ихъ къ единству съ сѣверно-русскою литературою.

Конечно, южно-руссы всегда болѣе или менѣе признавали себя русскими; но мы имѣемъ въ виду не столько сознаніе ими своей народности, сколько выраженіе этого со-

---

¹⁾ Последнія мы сравнивали съ русскими пословицами въ алфавитномъ порядкѣ, по рукописи XVIII в., принадлежащей Кіевской Академіи, по печатному описанію № 449.

знанія въ соответственной литературной формѣ. Въ этомъ же отношеніи мы не можемъ сказать, чтобы южно-русскіе писатели XVІІ вѣка, да и самъ южно-русскій народъ, далеко не были безукоризненны. Польскій языкъ у южно-русскихъ ученыхъ XVІІ и даже начала XVІІІ вв. нерѣдко назывался *отечественнымъ* языкомъ, на которомъ, послѣ латинскаго языка, писались всѣ остальные примѣры и упражненія. Руководства, источники и образцы указывались преимущественно латино-польскіе. Даже самый русскій языкъ школьный, появляющійся съ конца XVІІ вѣка, изобилуетъ полонизмами и другими иностранными словами.

Но въ XVІІІ же вѣкѣ изъ среды этого разнообразія элементовъ въ южно-русской рѣчи и литературы постепенно началъ выдѣляться и усиливаться элементъ чисто народный. Какимъ образомъ южно-руссы приходили постепенно къ признанію правъ русскаго языка,—это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ древнѣйшихъ кіевскихъ руководствахъ по пѣтикѣ почти исключительно говорилось о польскомъ языкѣ пѣтихъ ¹⁾; но въ пѣтикѣ 1736 года польскій и русскій стихъ имѣютъ равныя права, и послѣдній изъ нихъ исправляется по образцу перваго. Такъ напр., въ кіев. пѣтикѣ 1720 г. говорится о польскомъ стихѣ слѣдующее: „нужно остерегаться, чтобы не были окончанія на—go, li, la, jo, jęc, wszy, напр. swętego, zasnęgo, czynili, mówili, и пр. Примѣнительно къ этому правилу, но съ толкованіемъ уже на русскій манеръ, пѣтика 1736 года говоритъ о русскомъ стихѣ слѣдующее: „въ славянскихъ стихахъ нужно остерегаться, чтобы не оканчивались стихи на-ю (благаго, святаго, драгаго), на *чи* (хвалячи, знаючи, мѣчачи), на *ли* (сознали), и проч. ²⁾).

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно бы по-

---

¹⁾ Fons Castalius, рукопись Кіево-Соз. собора, № 446, rivus 2, quaer. 8.

²⁾ Труды Кіев. дух. Академіи, іюль, 1866 года, стр. 325—7.

лагать, что развитіе русскаго языка у южно-русскаго ученыя XVIII вѣка совершилось подѣ вліяніемъ польскаго и по его образцу. И дѣйствительно, нельзя не признать доли участія польскаго языка въ образованіи литературнаго южно-русскаго языка, хотя это вліяніе само по себѣ могло скорѣе вести къ псаженію южно-русскаго языка и подчиненію его чужимъ формамъ, какъ это отчасти видно и изъ приведенныхъ уже примѣровъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ польскій языкъ и польскіе образцы, содѣйствовали разработкѣ національныхъ интересовъ и развитію отечественнаго языка такъ называемое возрожденіе классицизма и гуманизмъ, имѣвшіе своихъ представителей и въ Кіевской Академіи. Возрожденіе и гуманизмъ явились прежде всего въ Италіи, выразились въ стремленіи къ изученію классическихъ образцовъ, подражаніи имъ и примѣненіи къ національнымъ интересамъ, но потомъ распространились отсюда по всей западной Европѣ и были предтечами нѣмецкой реформаціи. Изъ представителей періода возрожденія или гуманизма для насъ интересны итальянцы Понтано, Санназаро, голландецъ Еразмъ Роттердамскій и другіе, которые извѣстны были и въ Кіевской Академіи. Въ послѣдней первымъ и самымъ виднымъ представителемъ возрожденія классицизма и гуманизма является знаменитый для своего времени Теофанъ Прокоповичъ. Замѣчательный по своему времени знатокъ латинскаго языка, онъ часто указывалъ въ своей пѣтицѣ и реторикѣ лучшія руководства и образцы въ духѣ возрожденія классицизма, сочувствовалъ пробудившемуся на западѣ Европы движенію мысли въ лицѣ Галилея, но, что всего важнѣе, старался сблизить классическія формы съ христіанскимъ и отечественнымъ содержаніемъ и заботился объ очищеніи русскаго языка отъ чуждыхъ примѣсей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ можетъ идти въ сравненіе съ Данте и особенно съ Торквато-Тассо, которые пытались въ своихъ произведеніяхъ органически сочетать классическія формы съ отечественнымъ

содержаніемъ и изложеніемъ. Повидимому, Прокоповичъ слѣдуетъ примѣру и правиламъ Тарквато-Тассо и даже воспроизводитъ ихъ въ своей піитикѣ. „Для героической (эпической) поэмы, говоритъ Тассо,—необходимы три условія: 1) выбрать содержаніе, могущее принять наиболѣе изящную форму; 2) дать ему эту форму; 3) облечь его лучшими украшениями, какія только оно способно принять. Чтобы достигъ правдоподобія, одного изъ существеннѣйшихъ условій эпоса, лучше всего взять содержаніе изъ исторіи, но только не изъ языческой; потому что ввести въ эпосъ языческую религію—значитъ уничтожить правдоподобіе, а опустить ее—значитъ опустить чудесное. Невозможно же представить себѣ, чтобы тѣ пустыя, безжизненныя божества древнихъ, которыя никогда не существовали, производили явленія, настолько превышающія средства природы и человѣческія силы. Правдоподобное и чудесное почти противоположны другъ другу, а между тѣмъ въ героической поэмѣ они составляютъ совершенно необходимыя условія. Искусство поэта заключается въ томъ, чтобы ихъ соединить. Христіанскій поэтъ можетъ достигъ этого только тѣмъ, что припишетъ такія чудесныя дѣйствія только Богу, его ангеламъ, святымъ, или тѣмъ, кому дарованы сверхъестественныя силы, слѣдов. демонамъ, чародѣямъ и феямъ. Правдоподобіе же здѣсь возможно потому, что мы съ колыбели слышимъ о подобныхъ чудесахъ. Такимъ образомъ содержаніе новой эпической поэмы должно быть только или христіанскимъ, или еврейскимъ. Но его нельзя заимствовать и изъ священной исторіи, потому что всякое измѣненіе или новый въ ней вымыселъ были бы святотатствомъ. Въ христіанской исторіи можно взять содержаніе изъ совершенно древней, средней или совершенно новой исторіи“¹⁾.

---

¹⁾ Исторія всеобщей литературы, Шерра, въ русскомъ переводѣ, стр. 262—3.

И Теофанъ Прокоповичъ, указывая въ своей піитикѣ на примѣры христіанскихъ писателей, избѣгавшихъ употребленія именъ языческихъ божествъ и употреблявшихъ имена христіанскія, говоритъ о христіанскомъ поэтѣ согласно съ Торквато Тассо: „онъ (т. е. христіанскій поэтъ) не долженъ вмѣшпвать языческихъ боговъ или богинь въ какое либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія либо добродѣтели, не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто мудрости, Діаны вмѣсто чистоты, Нептуна вмѣсто водъ, Вулкана вмѣсто огня,—ихъ имена употребляются только синонимически,—но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также посредствомъ олицетворенія пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лицо, дѣйствіе, одежды, оружіе, инструменты, колесницы и проч. Можно также вымышлять различныя мѣстоположенія на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ, выстраивать города, ставить дома и другія зданія“¹⁾. Слѣдуя этимъ правиламъ Теофанъ Прокоповичъ или перелагалъ латинскія классическія произведенія на русскій языкъ и русскіе нравы, или писалъ оригинальныя произведенія по формамъ классическимъ и, подобно Торквато Тассо, влагалъ въ нихъ отечественное содержаніе изъ древней, средней и новой русской исторіи, постоянно заботясь о чистотѣ русскаго языка и исправляя и очищая его по нормѣ церковно-славянскаго. А Теофанъ Прокоповичъ имѣлъ громадное вліяніе на послѣдующую южно-русскую литературу XVIII вѣка, такъ что всѣ почти лучшіе южно-русскіе писатели этого времени отчасти ему обязаны были своею извѣстностію; слѣдовательно, гуманистическіе принципы возрожденія классицизма продолжали дѣйствовать въ южно-русской ли-

---

¹⁾ De arte poëtica, кн. 2, гл. 5, стр. 102; см. Труды Кіев. дух. Акад., июль, 1866 г., стр. 315.

тературѣ въ теченіи всего почти XVIII столѣтія и направлять ее къ развитію національнаго чувства и вкуса.

Самое же могущественное и заправляющее вліяніе на судьбу южно-русской литературы XVIII вѣка и ея языка имѣла сѣверная Русь своимъ господствующимъ положеніемъ сначала въ политическомъ, а потомъ и въ литературномъ отношеніи. Малороссія формально присоединилась къ московскому государству еще въ 1654 году, при Богданѣ Хмельницкомъ, но политическія смуты и колебаніе въ разныя стороны продолжались почти до конца XVII вѣка; слѣдовательно, фактическое присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, и притомъ не въ цѣломъ ея объемѣ, совершилось только къ концу XVII вѣка. Поэтому и результаты этого присоединенія въ литературномъ отношеніи не могли обнаружиться ранѣе конца XVII или начала XVIII вѣка. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, естественно, центр политической тяжести сталъ находиться для Малороссіи въ Москвѣ или Петербургѣ, а не въ Варшавѣ и Вильнѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ сѣверной Россіи сдѣлался господствующимъ языкомъ въ государствѣ вообще и въ частности въ Малороссіи. Съ одной стороны, южно-русскіе ученые и дѣятели часто обращались со своими пуждами на сѣверъ Россіи, къ правительству, получали отъ него оффиціальныя бумаги и нерѣдко переселялись туда для занятія іерархическихъ должностей; съ другой стороны, московскіе бояре и вельможи занимали въ Малороссіи должности воеводъ и губернаторовъ и другихъ сановниковъ и чиновниковъ, а московскія войска большими массами стояли въ Малороссіи въ теченіи всего XVIII вѣка, особенно послѣ извѣстной измѣны Мазепы. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ необходимо долженъ былъ происходить живой обмѣнъ понятій, словъ и выраженій между малороссами и великороссами и клониться въ пользу послѣднихъ. Южно-русскіе ученые и писатели, отправляясь на сѣверъ Россіи на время, или для занятія іерархическихъ мѣстъ,

усиленно старались отвыкнуть отъ провинціализмовъ своей рѣчи и говорить и писать на литературномъ языкѣ сѣверной Руси. Особенно это замѣтно на одномъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей того времени св. Димитрій Ростовскомъ. Будучи въ Малороссіи, онъ говорилъ и писалъ обычнымъ въ то время украинскимъ литературнымъ языкомъ. Вотъ примѣры этого языка: „Кто жь колвекъ того болѣзненнаго житія путь проходишь, зостановися тутъ“; или — „Нимъ сподобится з насъ хто колисъ Бога во Троицы единого, Отца и Сына и Св. Духа славити з ангелами въ небѣ“, и проч. ¹⁾. Но переселившись на сѣверъ и управляя Ростовскою митрополіею, св. Димитрій писалъ свои проповѣди чистымъ славянскимъ языкомъ и болѣе просто и естественно. Съ другой стороны, московскіе люди, живя по долгу въ Малороссіи и входя въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ мѣстными жителями, распространяли между ними знаніе московскаго языка и нѣкоторыя произведенія сѣверно-русской народной литературы. Къ послѣднимъ можно отнести стихи „про Хому да Ярему“, носящіе на себѣ явные слѣды заимствованія съ велико-русскаго, но довольно распространенные въ Малороссіи между „старцами“, т. е. нищими.

Въ послѣдствіи времени къ этимъ внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, обусловливавшимъ собою распространеніе обще-русскаго языка въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, присоединились и болѣе важныя причины этого явленія, заключающіяся во внутреннемъ содержаніи и внутреннихъ качествахъ сѣверно-русской искусственной литературы, которыхъ не имѣла южно-русская литература. Южно-русская письменная литература XVII и начала XVIII в. была богословскаго содержанія, подчинявшаго себѣ даже обще-

---

¹⁾ Описаніе рукоп. церковно-археологич. музея при Кіев. Акад., № 292, стр. 284—5 и 289.

образовательныя науки, и нерѣдко отличалась схоластическимъ характеромъ, между тѣмъ какъ литература на сѣверѣ Россіи со времени Петра I принимаетъ практически дѣловой, государственной и свѣтскій характеръ и затѣмъ мало по малу вводитъ русское общество въ кругъ европейскихъ вкусовъ и понятій новаго времени. Поэтому представители южно-русской учености XVIII вѣка, даже оставаясь на малорусской своей родинѣ, не могли быть равнодушными къ новому для нихъ направленію сѣверно-русской литературы и не отнестись къ ней такъ или иначе, сочувственно или несочувственно: при отсутствіи у южно-русскихъ ученыхъ знакомства съ новѣйшими западно-европейскими языками, сѣверно-русская искусственная литература была для нихъ, почти до конца XVIII вѣка, чуть ли не единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ умственныхъ и литературныхъ интересахъ современнаго запада Европы, и поэтому не могла не оказать значительнаго вліянія на южно-русскихъ ученыхъ и писателей XVIII вѣка. И мы не только увидимъ это вліяніе, но можемъ замѣчать даже въ южно-русскихъ писателяхъ XVIII вѣка нѣкоторое движеніе и смѣну понятій и мыслей, представляющія слабое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи.

Такое подчиненіе южно-русскихъ писателей интересамъ сѣверно-русской литературы и очищеніе языка по нормѣ общелитературнаго не могло не отозваться и на судьбѣ собственно малорусскаго народнаго говора. Теперь опять рѣзко отдѣлился отъ литературнаго языка южно-русскихъ писателей, какъ нѣчто искаженное, уродливое и карикатурное, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и, по примѣру польскихъ писателей, сталъ употребляться только въ комедіяхъ и карикатурныхъ пародированныхъ діалогахъ и сценахъ, въ нескромныхъ пѣсенкахъ и т. п. Такое пренебрежительное отношеніе къ малорусскому говору освящено было даже теоріею. По правиламъ пінтыки Митрофана Довгалева, 1736 года, въ комедіи должны выводиться лица